

Роспромтехносфера 2010: границы безопасности

Гражданкин, RiskProm.RU, 2010 ©

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 1. СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ТЕХНОСФЕРЕ И ТЕХНОГЕННЫХ ОПАСНОСТЯХ. РИСК-ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ В РОСТЕХНОСФЕРЕ _____	3
ГЛАВА 2. ПРОМЫШЛЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ – ОБЕРЕГАЮЩАЯ СФЕРА ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА _____	28
ГЛАВА. 3. РОССИЙСКИЕ ПРОМПРОИЗВОДСТВО И ПРОМБЕЗОПАСНОСТЬ ПОСЛЕ ИМИТАЦИОННЫХ РЕФОРМ ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ И ТЕХНИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ _____	48
3.1. ПРОМЫШЛЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ УГЛЕ- И НЕФТЕДОБЫЧЕ _	76
3.2. УРОКИ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГЛЕПРОМА: ПРОМЫШЛЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ _____	92
ГЛАВА 4. БЕЗОПАСНОСТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЕХНОСФЕРЫ: В ТИСКАХ МЕЖ ЧЕРНОБЫЛЕМ-86 И САЯНАМИ-09 _____	115
ГЛАВА 5. ОТКРЫТОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ _____	145

Глава 5. Открытое заключение

Современный взгляд на техногенные опасности и угрозы использует аппарат системного подхода. Сначала во внимание принимались человеко-машинные системы. Такие модели были весьма плодотворны для абстрактного изучения безопасности как системной категории. В науках о безопасности производства стали широко использоваться знания из психологии. В СССР возникло и развивалось важное научное направление – психология безопасного труда (М.А. Котик). В жизни же имели дело обычно с системами более высокой сложности – например, опасными производственными объектами. Обнаружился некоторый «барьер» между теорией и практикой – на современном производстве трудился не столько человек в окружении машины, сколько трудовой коллектив, «растворенный» многочисленными связями с высокосложным оборудованием. Потому сегодня осуществляется переход к исследованию технико-социальных систем и даже их объединений в техноландшафты. О последних образно говорят как о техносфере, но пока техника в отличие от воздуха еще не покрыла все землю.

Материальная природа техногенных опасностей – энерго-энтропийная. Для осуществления полезной работы человек запасает энергию в технике и затем отслеживает динамическое энергомассопреобразование сырья в продукты труда. Более стабильное и статичное энергоразряженное состояние наступает после «бесполезных», но энергетически «более выгодных» аварий. Тип современных аварий указывает, что на высвобождение опасностей существенно стала влиять социально-управляющая надстройка больших технико-социальных систем. Энергозапасы (техногенные опасности) сосредоточены в техно-элементах, а высвобождаются из-за обрывов и нарушений связей с управляющими социо-элементами. Кратко и сейчас это называют «человеческим фактором».

В индустриальных обществах проблема крупных аварий встала в 70-80-х годах прошлого века. Чувствителен был даже не размер ущерба, а возникающий в обществе страх перед такими «непонятными» опасностями. На Западе его учились контролировать (например, «ядерный страх», страхи «озоновых дыр»,

«парникового эффекта», нефтяных разливов, терроризма и др.). В незападных культурах технотрах не превращался в панический по культурно-историческим причинам. В СССР проблема крупных аварий наложилась на кризис индустриализма. Недруги пытались накачивать техногенные страхи, использовали как инструмент культурного слома и расшатывания базовых технико-социальных систем – промышленного и сельскохозяйственного производства, транспорта и энергетики, жилищно-коммунального хозяйства и здравоохранения, науки и образования, средств массовой информации и связи, вооруженных сил и др.

В техноландшафтах индустриальных и постиндустриальных цивилизации сегодня выявляются две тенденции обеспечения безопасности:

- а) Запад – витрина безопасности в производственной деятельности (неизбежные затраты на безопасность перекадываются на периферию прогресса);
- б) Китай – подсобка «витринного» производства, о безопасности здесь речь не идет.

СССР не был - ни там, ни там. Мог позволить себе такую роскошь как безопасный труд, который в «свободном рынке», как товар оказался неконкурентоспособен. Был свой вектор безопасности, нацеленный на источник опасности, на его изучение и «невидимое» предупреждение аварий (на Западе сразу стали защищать индивида – удаляя от него техногенные опасности на обочину развития). Предперестроечные попытки поконкурировать с витриной были наивны и только подрывали хозяйство.

В нынешней Российской Федерации - ни подсобки, ни витрины. Планы создания витрин безопасности в анклавах «теплиц прогресса» пока тщетны. Издержки безопасности перекадываются на внерыночные плечи, которых пока что в избытке, но и они истощаются вместе с основными фондами – «кирпичиками безопасности». Караул безопасности устал.

Вслед за деиндустриализацией в РФ вроде бы снизился общий накал опасностей техносферы в ее производственной части. Порадоваться бы этому. Но то, что оставалось - не поддерживалось в нужном объеме, не говоря уже о

воспроизводстве или создании нового. Износ основных фондов по рыночным меркам – смертельный. Техносфера не гибнет потому, что сами фонды родом не из рынка, а из плана.

В условиях ограниченности ресурсов периферийное околокапиталистическое производство как целое может только хиреть, выпячивая на публику свои анклавы – например, такие «теплицы прогресса», как приватизированную нефтедобычу или реструктуризированный углепром. Но и им не место на западной витрине безопасности (вряд ли реформаторы желали занять угол в китайской подсобке). Безопасность работ при добыче угля и нефти серьезно пошатнулась, на что указывает даже самая противоречивая статистика: темп сокращения непроизводственных аварийных потерь отставал от темпов деиндустриализации. Знаковые тяжелые аварии периодически сотрясают угледобычу: 1997, 2004, 2007, 2010 гг.

Сокращение производственной деятельности в технико-социальных системах редуцированно уменьшает вслед техногенные опасности и увеличивает социальные. В кризисный период пресечение опасно изношенной производственной деятельности рентабельней обеспечения ее промышленной безопасности. Это лишь подмораживает опасную ситуацию, а надежд на выход из кризиса не дает. В краткосрочном периоде информационные инструменты парирования социальных опасностей оказались дешевле поддержания (не говоря уже о создании и воспроизводстве) самой производственной деятельности с неизбежным энерго- и материальнозатратным предупреждением техногенных опасностей. В долгосрочном периоде реальные социо-технические системы не смогут обойтись без внутреннего материального производства, либо должны трансформироваться в симуляторы с такой же виртуальной безопасностью производственной деятельности.

В РФ ломка безопасности техносферы проходит в облике реформы технического регулирования. Предпринята «вроде бы разумная» попытка вычленивать из советских норм и требований только то, что непосредственно может затронуть жизнь и здоровье человека. Незнание советской техносферы (главным

образом переплетенности и типа связей, ведь инертные элементы-объекты в основном остались) обернулось расчленением советских ГОСТов и привело к их гибели (свобода накатила на безопасность). Попав в ловушку «свободы без правил» (старые не действует, а нового нет), имитационные евроцентристы предлагают «обновить» изношенную техносферу, приняв для нее евронормы совсем от другой техсоцсистемы. Старенький «Запорожец» планируют эксплуатировать и обслуживать по инструкции от «Мерседеса». Из-за бездействия (не только властей, сколько их критиков) выбрался «сам собой» путь на пресечение безопасности как цивилизационного атрибута российских техноландшафтов.

Безопасность всегда очерчивает смертельные границы возможной жизнедеятельности. Чернобыль-86 очертил ее сверху, а Саяны-09 – снизу. В 86-ом получили черную метку аварии за то, что переоценили багаж своих знаний и возможностей, а в 2009-ом – за то, что опыт и знания растеряли до предельной красной черты.

Будоражающие сигналы-вибрации об опасности от избиваемых реформами больших технико-социальных систем своего предупреждающего действия не возымели (герцены не пробудились), а многие угрозы даже реализовывались мелкими и средними уколами. Вследствие деиндустриализации абсолютное число аварий в промышленности сократилось, однако сами аварии стали совершенно другими и по причинам и по последствиям. Произошло забвение функции обслуживания техсоцсистем, солидарные связи в них разрывались или подменялись «финансово-экономическими», а элементы морально и физически изнашивались. Информационный шум о частых и малых ущербах каждый раз вдруг округляет глаза перед фактом ниспосланной техбеды. Крупные техногенные происшествия стали считаться естественными и фатальными, – требующими, следовательно, спасительного спасания, а не рутинного предупреждения. (Бюджет Ростехнадзора на 2010 год более чем в 20 раз меньше чем у МЧС России).

Но рано или поздно от трансформируемых больших технико-социальных систем, через глухоту вибраций, должен был и пробился всеочевидный, жесткий и

крайне болезненный сигнал – вторая черная метка всем нам от единой энергосистемы нашей страны. Первая посылаясь Чернобылем в 1986 г. и общими усилиями на время все же была обелена и затоптана.

Энергосистема страны своей аварией на СШ ГЭС 17 августа 2009 г. подала клич всем тем, кто еще может и должен адаптировать ее к внешне управляющему «финансово-экономическому» воздействию, помочь не превратиться в ТЭК-сектор глобинтерна.

Системные причины аварии на СШ ГЭС заключены в выпадении элементов из связей ЕЭС СССР. Энергетически нагруженные элементы без адекватных связей и должны периодически разряжаться авариями. Старые связи были в основном – социальные, солидарные. Новые же – «финансово-экономические», конкурентные Советский человек, носитель и проводник опробованных связей, исчез, а новый «средний класс» с ТЭК-сектором не справляется. И не хочет справляться. Евроинвалидное антисоветское иждивенчество его вполне устраивает.

Все главные социальные субъекты нашей страны так или иначе ответили на Саяно-Шушенский сигнал о техногенной опасности.

Первый отклик госвласти – «медведевская брехня» – был следствием испуга утраты своей легитимности от западного источника. Взамен на неизвестные уступки, ярлык «верхняя вольта» пока основательно к РФ не прилип.

Бизнес–хищники аварии не удивились и продолжили переключать издержки поддержания безопасности в техносфере на вне рыночные плечи – безмолвное население и персонал, госинституты и службы спасения, на остовы советских техноструктур. «Честные предприниматели» осознали тупиковость своего безфондового будущего и принимают программу своего выживания, присасываясь к «теплицам прогресса» – на молекулярном уровне организуют связь ядра анклавов с ресурсами периферий.

Неофициальное расследование аварии на СШ ГЭС выполняло неформальное российское инженерное сообщество, на время блеснувшее в рунете. При очень скупой исходной информации высококлассные ученые и инженеры

дотошно пытались разобраться в технических причинах уникальной аварии. Дискуссии развернулись вокруг механизма образования подъемной силы и последующего разрушения шпилек. Свести их воедино и дать взвешенную оценку пока не удалось.

Сразу после аварии основная масса теленаселения через СМИ получила от власти успокоительную информационную пилюлю. Панический страх не возник. Телечеловек не в силах представить, как волна прорыва плотины может его задеть, как техноопасности придавят его в будущем.

Сами СМИ быстро зачислили Саяно-Шушенскую аварию в информационный повод для привлечения внимания аудитории и продолжали твердеть каждый о своем: пролиберальные пытались придушить недоцивилизацию-РФ сравнением СССР с РФ и Чернобыля с США ГЭС, патриотические хулили власть, провластные успокаивали эвтаназией ненасильственной модернизации.

Сигнал опасности поизношенной техносферой отправлен. Похоже его нечем распознать, и действовать некому. Адаптационные возможности искалеченных технико-социальных систем дают сбой. Пассивное необслуживание сменяется активным истощением. Ростехносферу разрушать перестали, оказалась удивительно живуча. Заместить «плановые» технико-социальные системы на «рыночные» не удалось. Варварскую техносферу тащат в цивилизованную периферию. Через канавы социал-дарвинистской модернизации остатки ресурсов сливаются в анклав «теплиц прогресса», архаизируя неперспективное захолустье.

Сколько еще продержатся старые солидарные элементы техсоцсистем с чужеродными конкурентноподобными связями – столько времени есть для выработки своего проекта жизнеустроения в доставшихся техноландшафтах. Обитатели отечественных техноландшафтов оказались пред выбором:

А) Принять анклавно-периферийную модель расчленения техносферы и общества. Согласные должны успеть занять не свое место в «теплице прогресса». И дрожать, что вышвырнут. Проекту глобинтерна не сможет противостоять

рыхлое большинство, на плечи которого и взвалют все тяготы безындустриальной неоархаики.

Б1) Беречь старые краугольные элементы техсоцсистем, приспособиваясь к внешним «финансово-экономическим» воздействиям. Продержимся, но не долго, запас прочности имеет физические пределы. Полностью останавливать фабрику опасно, может обернуться гипсокартонным евроофисом с перетяжкой «аренда»;

Б2) Искать новые жизнестабильные формы солидарных связей для обвязки и омоложения традиционных техсоцсистем, выпавших в «маразм современности». Стимулирующее «За» – цивилизационная несовместимость «советского с европейским». Беспокоящее «Против» – кадрово-ресурсная неполноценность и ограниченность «поисковиков».

Пространство возможных тактических решений резко сжимается. Границы свободы жизнеустройства снаружи очерчены красной чертой безопасности. Авария на СШ ГЭС прочертила ее почти «ниже плинтуса». Кадровый и технический износ, внутрисоциальные противоречия и смена типа хозяйствования существенно сократили безопасную область свободы маневров. И физических, и экономических и интеллектуальных.

На культурном спаде цивилизация обеспечивает безопасность техноландшафтов сбережением технико-социальных систем. Из кризиса так не выйдешь, зато не скатишься в коллапс. В фазе культурного подъема только сбережением не обойтись. Развитие сопряжено с опасностями подвижек. Понадобится совсем другая программа – безопасного созидания технико-социальных систем без тоталитарной конкуренции. Тогда безопасно рискуют настоящим ради будущего. С жизнестойким образом будущего еще необходимо определиться. Опирается все равно придется на большие технико-социальные системы. Глупо рисковать ими ради шампанского. Но рисковать будущим ради «шампанского» настоящего – болезненный припадок неоварварского европейничания. Любые аварии генерируют новые знания – ими и заполнять шипучую пустоту настоящего.